

Алексей Лебедев: Собственность у церкви отобрали не большевики, а Петр I

Президент России Дмитрий Медведев подписал закон о возвращении имущества религиозного назначения религиозным организациям.

Продавливание этого документа происходило весьма откровенно. Созыв думского мероприятия «религиозным» комитетом, который традиционно лоббирует интересы Московской патриархии, бурная подготовка к первым чтениям в СМИ, продолжение как ни в чем не бывало передачи музейных икон РПЦ МП...

Беседа с одним из экспертов, приглашенных к обсуждению законопроекта в первом чтении в Думе, — культурологом, доктором искусствоведения Алексеем Лебедевым, будет как нельзя кстати, поскольку обозначает другую точку зрения на важнейшую проблему культуры и общества.

— Алексей Валентинович, как вы оцениваете принятый законопроект с учётом поправок, одобренных во втором чтении?

— Оцениваю по-прежнему негативно. Там сделано несколько малозначительных поправок, имеющих целью успокоить общественное мнение. Текст законопроекта плох от начала до конца, начиная от анекдотически безграмотных формулировок до антиконституционных базовых положений. Например, как вам с точки зрения русского языка такое словосочетание: «монашеская жизнедеятельность»? Я полагал, что жизнедеятельность бывает одна, и как выглядят ее продукты — известно... Увы, это самое светлое место в законопроекте. Потому что остальное совсем не смешно. Его авторы по-прежнему не хотят привести текст в соответствие названию. Закон называется «О передаче... имущества религиозного назначения», а речь там идет не только об имуществе и не только «религиозного назначения».

Они не желают признать очевидного. Есть, например, современная гаубица. Это имущество военного назначения. А есть Царь-пушка. Это уже много веков не имущество, а памятник истории и культуры. На юридическом языке подобные объекты называется «объектами гражданских прав, изъятыми из имущественного оборота». И они требуют к себе особого отношения. Царь-

Алексей Лебедев: Собственность у церкви отобрали не большевики, а Петр I

пушку нельзя отдать артиллеристам и устроить из нее стрельбы. Аналогичную пару составляют храм Христа Спасителя (недвижимое имущество) и собор Ферапонтова монастыря с фресками Дионисия (памятник истории и культуры). Не понимать разницы между первым и вторым может лишь тот, кто не хочет её понимать.

Без изменений осталась еще одна чудовищная формулировка. Передаче подлежат «здания, строения, помещения, сооружения, включая объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации, монастырские, храмовые и иные культовые комплексы, построенные для осуществления и (или) обеспечения таких видов деятельности религиозных организаций, как богослужения, молитвенные и религиозные собрания, другие религиозные обряды и церемонии, <...> включая здания для временного проживания паломников) <...>». То есть, попросту говоря, передаче подлежат все. Например, гостиница, где в первой половине XIX века несколько лет проживали паломники. Она ведь обеспечивает такой вид деятельности религиозных организаций, как религиозное почитание? Обеспечивает. Значит — отдать! Стены кремля вместе с башнями и установленными на них пушками. Если ворота запереть, они обеспечат молитвенное уединение? Обеспечат. Значит — отдать! Этот перечень можно продолжать бесконечно. Потому что не бывает недвижимости, которая не могла бы «обеспечивать»...

— Часто ли вы бывали в Госдуме до этих слушаний?

— Ни разу. Я оказался в Думе впервые. Меня пригласил Комитет ГД по культуре в числе специалистов, которые должны были выступить со своими заключениями на слушаниях. Выступить мне не дали. То есть тот факт, что не дали выступить, меня не удивил. Эти люди панически боятся профессиональных суждений. Поэтому вполне закономерно, что они не допустили до микрофона ни меня, ни члена-корреспондента РАН В.Д. Назарова, оборвали директора Музея древнерусского искусства Г.В. Попова, доктора искусствоведения Л.И. Лифшица, дали две минуты вместо семи, положенных по регламенту, доктору искусствоведения А.Л. Баталову и исполнительному директору ИКОМ Г.Б. Андреевой. Причина ясна: лоббисты понимали, что надо заткнуть рот всем, кто профессионально разбирается в проблеме.

— Но что же тогда делали на чтениях в продолжение трех часов, если для экспертов счет шел на минуты?

— Так это отработанная технология. Сначала нужно перетасовать всех докладчиков и «своих» поставить вперед. Потом «свои» говорят по 15—20 минут при семиминутном регламенте. Их никто не останавливает. В итоге оказывается, что времени на выступления экспертов не хватило.

— Если кто-то говорил по 15—20 минут, вероятно, было о чем?

— Вообще-то для реализации задачи «заткнуть рот специалистам» эти выступления могут ничего не содержать. Не обязательно даже хвалить

Алексей Лебедев: Собственность у церкви отобрали не большевики, а Петр I

обсуждаемый законопроект. Достаточно не выдвигать аргументов против него и проедать время.

Вам интересно, о чем они говорили? Ну скажем так: они рассказывали истории. Например, один из ораторов (светский человек, кстати) произнес речь, в которой долго благодарил православную церковь за то, что она, вопреки козням русских князей, уберегла наш народ от монголо-татарского нашествия. Так прямо и сказал: спасибо, мол, церкви, которая спасла нас от ордынского ига. Очень прочувствованно говорил...

— А разве роль церкви была иной?

— Так, самую малость. В реальности отношение к ордынскому игу — одна из самых позорных страниц в истории Русской православной церкви. Церковь со всех амвонов призывала не сопротивляться нашествию. Почему? Потому что Константинополь в ту пору видел в Орде сдерживающую силу по отношению к Османской империи. Церковь называла монголов «бичом Божиим», которому противиться нельзя, ибо это есть наказание за грехи наши...

В этой связи уместно вспомнить эпизод, когда перед Куликовской битвой князь Дмитрий Донской поехал к Сергию Радонежскому просить благословения. Этот факт описан во всех учебниках истории и знаком каждому школьнику. Но никто не задается вопросом: «Отчего именно к Сергию?» Согласитесь, довольно странно: в Москве, под боком у Дмитрия есть высокие церковные иерархи, а уж настоятелей монастырей — просто пруд пруди. Зачем скакать за сотню верст к настоятелю удаленного монастыря? Ответ прост: Сергий был ослушником. Он не боялся идти наперекор установлениям церковного руководства. Только такой оппозиционер и мог поддержать Дмитрия в его весьма сомнительном, с точки зрения церкви, начинании. Остальные боялись.

Понимаете теперь, почему не нужно давать слово специалистам? Потому что, переписывая историю, удобнее ее не знать. Исторические реалии создают в этом процессе ненужные помехи...

— А что еще говорили сторонники законопроекта?

— Ну, например, председатель Комитета по делам общественных и религиозных организаций С.А. Попов поведал историю о том, как икона «Богоматерь Торопецкая» хранилась-хранилась в музее, да и треснула, и образовалась щель шириной 8 см, а потом икону поместили в храм в посёлке Княжье Озеро, верующие начали икону целовать, отчего щель сама собой срослась. Услышать такое в исполнении председателя Комитета Госдумы РФ — одного из людей, решающих судьбы страны, это, согласитесь, сильно...

— Но, может быть, это была некая игра?

— Что касается Попова, то он вполне серьезно говорил, прочувствованно. Не шутил. Но слушания в целом, конечно же, были фарсом. Настолько очевидным, что непонятно, почему их устроители так панически боятся

экспертов. В таком контексте что ни скажи, все равно услышан не будешь.

— Нынешняя РПЦ — мощная, богатая, находящаяся в фаворе у властей организация. Почему они боятся, что люди обернутся к своей культуре и сумеют оценить ее по достоинству? С приходом нового руководства наблюдаются заметные изменения в ее политической активности по сравнению с периодом предыдущего патриаршества...

— Это скорее уровень личных амбиций патриарха, чем смена ориентиров организации. Нынешний патриарх мыслит себя чем-то вроде министра. Возможно даже — премьер-министра. Но это не значит, что раньше не было жажды власти. История взаимоотношений церкви и власти за последнее столетие — это история развития отношений от неприятия и взаимной ненависти в послереволюционные годы до полного взаимопонимания в наши дни. Конечно, альянс случился не сразу. Вся первая половина XX века была для Русской православной церкви периодом соглашательства. Пройдя через годы преследований и репрессий, новая организация, в отличие от той православной церкви, что ушла в катакомбы и уехала за рубеж, приняла условия игры, которые были ей предложены. И в довоенный период влачила жалкое существование.

Первое ощутимое потепление в отношении власти к церкви произошло после Великой Отечественной войны. Во многом благодаря патриотической позиции РПЦ в военные годы. Церковь реально помогала Красной армии бороться с фашизмом — и материально, и пастырским словом. Государство не осталось в долгу, и церковь стала получать от власти первые преференции — в конце 1940-х годов произошла передача Московской патриархии многих церковных предметов из государственных хранилищ. Это целые массивы икон — не шедевры, но добротный художественный материал, который изымали из музеев.

И наконец, с уходом советской власти и образованием Российской Федерации на церковь сделали ставку. С ее помощью государство уже два десятилетия пытается залатать дыру, образовавшуюся на месте утраченной идеологии. Это парадоксальный поворот отечественной истории. Страна, которая объявила главным национальным приоритетом модернизацию, пытается найти идеологическую опору в организации и религии, которую на всех европейских языках называют ортодоксальной.

— Заведомый консерватизм религиозной организации — это понятно. Тем не менее она добровольно принимает такое приглашение к сотрудничеству?

— Несомненно. Другой вопрос, насколько она способна в этом помочь. Ведь власть права в том смысле, что новая эпоха требует новой мифологии. Например, страна взяла курс на нанотехнологии. Понять, что это такое, способны три с половиной специалиста, а потому для поддержки нового государственного начинания была бы уместна раскрутка какого-нибудь техноцентрического мифа. Чего-нибудь про всепобеждающую инженерную

Алексей Лебедев: Собственность у церкви отобрали не большевики, а Петр I

мысль. А-ля «Таинственный остров» Жюль Верна. Вместо этого предпринимается попытка двигаться в сторону нанотехнологий на телеге, осеняя себя крестным знаменем. Затея абсолютно безнадежная, но выгоду из нее извлечь РПЦ может, и успешно это делает. У церкви, как у любой другой организации, есть свои вполне земные нужды, а благодаря новым политическим веяниям, она получила беспрецедентную возможность получить большой кусок национального пирога.

— В чем при этом состоят претензии церковной организации?

— Сейчас основной ее интерес — земля и недвижимость. И надо сказать, что РПЦ не скрывает вполне земного, материального характера своих претензий: «Представьте себе, насколько сегодня уже стало трудно — даже за деньги — найти в центре Москвы земельный участок под строительство офисов или элитного жилья, — сказал собеседник газеты (сотрудник Центра инвестиционных программ РПЦ. — А. Л.). — Таких свободных участков ни у кого уже нет. А у церкви такие участки есть. И в этом шанс для наших перспективных проектов. В настоящее время «в разработке» находится более ста адресов по Москве. Программа восстановления патриарших подворий в столице предусматривает под церковным патронатом и частично на базе объектов недвижимости РПЦ строительство коммерческих объектов — офисных, торговых и жилых комплексов» (Ю. Шпаков «С небес на элитные участки». — «Время новостей», 7.02.2007).

Стоит ли удивляться, что теперь РПЦ не особо интересуется полуразрушенными сельскими храмами. Их низкая инвестиционная привлекательность совершенно очевидна. Куда интереснее разобраться с тем, где в этой стране самая дорогая земля и недвижимость. Ответ известен: в исторических центрах городов. Правда, тут имеется небольшая загвоздка: выгодно расположенные постройки богослужебного назначения — церковные здания и монастырские комплексы — давно переданы Московской патриархии. Отнимать вроде бы уже нечего. Однако эта трудность была легко преодолена. Новым объектом церковного рейдерства стали кремли России.

Интересно, что, получая в свое распоряжение крупные объекты недвижимости, церковь не всегда торопится брать на себя их содержание. Например, храм Христа Спасителя. Там изредка проводятся богослужения, а в основном это здание полифункционального назначения: гаражи, банкетные залы, залы для конференций и так далее. Содержат все это москвичи на свои налоги, а доходы получает церковь. Для Московской патриархии это идеальное положение вещей, и она не горит желанием его менять, получив объект в собственность. Ситуация «безвозмездного вечного пользования» в этом случае куда выгоднее. Это ведь золотой сон бизнесмена: все расходы чужие, все доходы — мои.

— Однако, увеличивая таким образом свой «удельный вес», церковь постепенно увеличивает и свое политическое влияние, и появляется риск политико-экономического клерикального переворота. Почему власть этого не видит?

Алексей Лебедев: Собственность у церкви отобрали не большевики, а Петр I

— Я не думаю, что власть этого не видит. Полагаю, она все прекрасно видит, но считает, что таким образом расплачивается за оказываемую ей услугу по формированию национальной идеи. Просто пока не осознала, что услуга получается медвежьей.

— В таком случае нельзя ли предположить, что стремится таким способом сохранить не столько самое себя как политический институт, а всего лишь группу конкретных персоналий?

— Здесь я не располагаю данными, чтобы говорить что-то определенное. Но абсолютно ясно, что сегодняшняя реальная политика не предполагает равенства религиозных конфессий. Речь идет о том, чтобы одну из конфессий использовать как своего рода точку кристаллизации идеологии.

— Но для того чтобы убедить всех в реалистичности воплощения этой идеи, ее требуется обосновать. А как это сделать? Ведь люди с каждым днем узнают все больше и больше о себе и своей истории...

— В России любят историю, но при этом наше сознание не исторично, а мифологично: в нем отсутствует граница между прошлым и настоящим. Почти как у древних греков, считавших богов и героев своими современниками. Исторические события воспринимаются нами как незавершенные. Мы постоянно откатываем счетчик времени назад и пытаемся снова и снова переписать историю: «вернуть долги», «восстановить историческую справедливость»... Известная фраза: «История не знает сослагательного наклонения» — к нашей ментальности не имеет отношения. Это делает россиян незащищенными по отношению к техникам манипулирования общественным сознанием. Нас легко вытолкнуть в пространство мифа.

«Вернем отобранную большевиками собственность законному владельцу», «место иконы в храме» и т.д. Казалось бы, эти слова легко опровергнуть с помощью фактов: собственность у церкви отобрали не большевики, а Петр I. Место иконы не в храме, а везде: в домах, в общественных местах и т. д. Но (увы!) это всего лишь факты. С их помощью миф победить нельзя. Поскольку он опирается не на реалии, а на архетипы сознания.

Почему мы должны отдать церкви то, что никогда ей не принадлежало? В благодарность за то, что «она спасла нас от монголо-татарского ига». И мы цепенеем от простоты и доходчивости этой формулировки.